

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-4-27-39

Е.А. ПапкинаИнститут мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук,
121069 г. Москва, Российская Федерация

Фантастическое в прозе Всеволода Иванова 1910–1930-х годов

Аннотация. В статье рассматриваются жанровые разновидности фантастики в прозе Всеволода Иванова 1910–1930-х гг. Используются историко-биографический, историко-литературный и сравнительный методы анализа. В сибирских сказках и легендах (1916–1917), созданных Вс. Ивановым на основе фольклора разных народов региона, представлена сказочная фантастика, призванная передать стремление молодого писателя к совершенствованию мира. К сатирической фантастике, направленной против мировой революции, он обращается в рассказе «Одичавшие» (1919), который можно сопоставить с пореволюционной прозой русского зарубежья, в частности с произведениями А.Т. Аверченко. Анализ неосуществившегося замысла романа «Северосталь» (1923–1924), повести «Чудесные приключения портного Фокина» (1924) и романа «Иприт» (1925), написанного Вс. Ивановым в соавторстве с В.Б. Шкловским, дает основание говорить о сочетании авантюрно-приключенческого и фантастического в творчестве писателя середины 1920-х гг. Различные жанровые разновидности фантастики представлены в экспериментальных сатирических романах «Кремль» (1929) и «У» (1931–1933). Пародия на научную фантастику дается в рассказе «Странный случай в Теплом переулке» (1935). Оригинальное соединение реальности и фантастики можно проследить в рассказе «Происшествие на реке Тун» (1925), включающем элементы антиутопии. При помощи фантастики Вс. Иванов раскрывает психологию героев – участников братоубийственной Гражданской войны, муки совести человека, отрекшегося от высших нравственных ценностей – любви и сострадания. Автором статьи сделан вывод о том, что изучение неизвестных и малоизвестных фантастических произведений писателя способствует расширению представления как о его творчестве, так и о русской литературе XX в. в целом.

Ключевые слова: Вс. Иванов, жанровые разновидности фантастики, сказочная фантастика, сатирическая фантастика, пародия, антиутопия, психологическая фантастика

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Папкина Е.А. Фантастическое в прозе Всеволода Иванова 1910–1930-х годов // Литература в школе. 2022. № 4. С. 27–39.
DOI: 10.31862/0130-3414-2022-4-27-39

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-4-27-39

E.A. Papkova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, 121069, Russian Federation

The Fantastic in Vsevolod Ivanov's prose of the 1910s–1930s

Abstract. The article deals with the genre varieties of fantastic fiction in Vsevolod Ivanov's prose of the 1910s–1930s. The historical-biographical, historical-literary and comparative methods of analysis have been used. In his Siberian fairy tales and legends (1916–1917) created by Ivanov, on the basis of the folklore of different peoples of the region, fairy tale fiction is presented, designed to convey the desire of a young writer to improve the world. To satirical fiction directed against the world revolution, the writer turns in the story "Ferals" (1919), which can be compared with the post-revolutionary prose of the Russian diaspora, with the works of A.T. Averchenko in particular. The analysis of the unfulfilled plan of the novel "Severstal" (1923–1924), the story "Wonderful Adventures of the tailor Fokin" (1924) and the novel "Iprit" (1925), written by Ivanov in collaboration with V.B. Shklovsky, gives reason to talk about the combination of adventurous and fantastic in the writer's works of the mid 1920s. Various genres of fantastic fiction are presented in Ivanov's experimental satirical novels "The Kremlin" (1929) and "U" (1931–1933). A parody of science fiction is given by the writer in the story "A Strange Case in the Warm Lane" (1935). The original combination of reality and fantasy can be traced in Ivanov's story "The Incident on the River Tun" (1925), which includes elements of anti-utopia. With the help of fiction, Ivanov reveals the psychology of his characters – participants in the fratricidal Civil War, the pangs of conscience of a person who has renounced the highest moral values – love and compassion. The author of the article concludes that the study of unknown and little-known fantastic works of Vsevolod Ivanov's contributes to better knowledge of the work of this original writer and of the Russian literature of the twentieth century in whole.

Key words: Vs. Ivanov, genre varieties of fantastic fiction, fairy tale fantastic fiction, satirical fantastic fiction, parody, anti-utopia, psychological fiction

CITATION: Papkova E.A. The Fantastic in Vsevolod Ivanov's prose of the 1910s–1930s. *Literature at School*. 2022. No. 4. Pp. 27–39. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2022-4-27-39

Всеволод Иванов более всего известен читателям и исследователям как автор произведений о Гражданской войне в России – повестей «Партизаны», «Бронепоезд 14-69» и «Цветные ветра», рассказов «Дите», «Лога» и др. Начатый в 2000-е гг. новый этап изучения творчества писателя раскрывает неизвестные ранее стороны его оригинального таланта. Предваряя научное издание произведений из архива Иванова, не публиковавшихся при жизни или не переиздававшихся с 1910-х гг., сын писателя, известный ученый Вяч.Вс. Иванов отмечал: «Мне хотелось бы особенно обратить внимание читателей на то, с какой смелостью Всеволод Иванов в изображении современности и восстановленных им картин прошлого вносил неожиданные образы, порожденные его поэтическим воображением» [7, с. 3]. Исследователи творчества Иванова главным образом анализировали фантастическое в произведениях писателя, когда речь шла о его экспериментальных романах «Кремль» (1929) и «У» (1931–1933) и о «Фантастическом цикле» 1940-х гг. Однако современники писателя еще в начале 1920-х гг. обратили внимание на особенность его творческой манеры. Рассказывая о своем впечатлении от первой книги Иванова «Рогульки» (1919), «серапионов брат» К.А. Федин писал: «Неожиданно музыкальные по языку картины этих рассказов изображали словно впервые открытую, далекую и как будто фантастиче-

скую страну, хотя описываемые люди, да и все детали были чрезвычайно реальны. Эта особенность сочетаний фантастики с реализмом ошеломляюще пышно проявилась в повестях и в первых рассказах, получивших известность» [17, с. 61].

На основании републикованных текстов 1910–1930-х гг., используя историко-биографический, историко-литературный и сравнительный методы анализа, можно утверждать, что фантастика появилась уже в самых первых произведениях Иванова. Впоследствии в разные периоды своего творческого пути, в зависимости от тех задач, которые он ставил перед собой, писатель обращался к различным ее жанровым разновидностям.

В 1916–1917 гг. начинающий писатель из Сибири создает своеобразный цикл, называя его то «Легенды об умершей Сибири», то «Сибирские легенды», то «Рассказы об ушедшей Сибири». С такими подзаголовками в газетах Кургана и Петропавловска печатаются рассказы «Рао», «Нио», «Сон Ермака» и др. К ним примыкают «сибирские сказки» «Мысли как цветы» и «киргизские сказки» «Северные марева», а также впервые напечатанные в 1919 г. «Алтайские сказки». Все эти произведения, относящиеся в жанровом отношении к сказочной фантастике, во многом основаны на фольклорных источниках. Л.А. Пудаловой принадлежит, например, наблюдение о том, что имя

горного духа Ори из рассказа «Рао», возможно, восходит к имени духа гор Йер в алтайской мифологии [15, с. 22]. Однако мотивы этих произведений Иванова не столько имеют своими источниками фольклор какого-либо конкретного народа Сибири, сколько являются художественным обобщением, созданным на основе эпических сказаний и песен разных сибирских народов. Горноалтайский писатель и исследователь Г.В. Кондаков отмечал, что Иванову, «писателю, пришедшему в литературу из народа», в целом «близка поэтика фольклора народов Средней Азии и Сибири» и поэтому его «Рао» и «Алтайские сказки» «выходят за пределы алтайского фольклора, опираются на восточную традицию народной поэзии, питающую специфический стиль Вс. Иванова: цветистость, мозаичность, национальную орнаментовку» [9, с. 111–113].

В легендах и сказках Иванова горный дух поднимает мудреца Рао, стремящегося «обнять своей мыслью вселенную» высоко над землей, сообщает ему «тайное слово, которое заставит людей вечно помнить заветы любви», превращает в чудесный «голубой цветок с золотым сердцем» [11, с. 31–32]. Букашка Нио, всю свою жизнь хвалившая могущество «гордого Лесного Царя Таэ», объявившего войну пришедшим людям, нарушает его волю и спасает «маленькую добрую девочку» [Там же, с. 37–38]. В сказках писателя действуют русалки и ведьмы, разговаривают стихии природы и животные. Сказочная фантастика Иванова воплотила не только его зачарованность тайнами уходящей древней жизни, воплощенной в фольклоре, но и юношеские стремления к спасению мира от зла.

Практически одновременно с работой над алтайскими сказками Иванов в 1919 г. обращается к совершенно иному жанру – сатирической фантастике. В этом жанре написан рассказ «Одичавшие», опубликованный 9–10 сентября 1919 г. во фронтовой колчаковской газете «Вперед», где молодой писатель работал несколько месяцев сначала в качестве наборщика, а затем в качестве военного корреспондента. Авторская сноски к заглавию рассказа «Одичавшие» указывает на время действия, перенесенное в будущее: «В день предложенного вашему вниманию происшествия исполнилось ровно 75 лет со дня объявления Всемирной Коммунистической Республики, провозглашенной Всемирным Съездом Советов в Нью-Йорке, в 1920 г. 9 сентября» [Цит. по: 13, с. 24]. То есть на 1995 г. Описывается «приют последних остатков человечества», которое выродилось и одичало в результате мировой революции. В «полуразрушенных стенах какого-то здания», расположенного недалеко от «железного языка» (так одичавшие люди называют железную дорогу), находится жилище семьи, вернувшейся в первобытное состояние. Сын Бонек находит в ящике непонятные ему предметы, когда-то принадлежавшие людям: баночку с чернилами и перо, старинную книгу, компас, еще ряд мелких вещей. О назначении их отец его, одетый в звериную шкуру, вспоминает с трудом: «Писали, ну, писали. Было на чем, писали... А теперь не знаю. Раньше, говорят, по воздуху летали» [Там же, с. 25–26]. Найденный красный флаг с вышитыми золотыми буквами «Всемирная Федеративная Республика Советов» позволяет повествователю сделать экскурс

в историю: «Они не знали, конечно, что впервые мысль об этом флаге возникла в России; оттуда перекинулась в Китай, Индию и Германию. Под предводительством германских офицеров кровавой волной прошли народы Востока, фанатично ослепленные учением красного пятиугольника, по Европе, смели Францию, Англию, Италию. Оттуда красный пятиугольник проник в Америку. Началась Всемирная Гражданская война. В этой войне были разрушены до основания Рим и Лондон, взорваны на воздух сталелитейные центры Северной Америки, и в три месяца этой войны половина населения Англии умерла с голода, настолько сократился привоз пищевых продуктов. / Они не знали, конечно, что это флаг существовавшей десять лет Всемирной коммуны, повлекшей за собой гибель культуры и крушение цивилизации, более страшной, чем гибель культуры Вавилонии и Египта» [13, с. 26–27]. Драка, возникшая из-за флага между отцом, матерью и сыном, приводит к отцеубийству. В перспективе автор рисует «заросшие бурьяном развалины городов», «остатки заводов – гнезда крыс и мышей», «спокойно блестящие реки», «мертвенно-бледные уста гор»: «Человека здесь не было. / Земля отдыхала» [Там же, с. 27–28]. Мотив отцеубийства в этом рассказе и еще в одном фантастическом произведении Иванова «Происшествие на реке Тун», написанном спустя шесть лет, возможно, имеет автобиографические истоки: в 1918 г. отец Иванова, монархист по убеждениям, был случайно убит полубезумным братом писателя Палладием из ружья, которое оставил без присмотра Всеволод – в то время красногвардеец.

Тематически и стилистически рассказ «Одичавшие» сопоставим с фантастическими картинами будущего, данными в первые пореволюционные годы писателями русского зарубежья (за исключением «Аэлиты» А.Н. Толстого), где, как отмечает Д.Д. Николаев, «большевистский переворот» расценивался «как катастрофа – причем катастрофа не просто национальная, но мировая» [12, с. 239]. Особенно близок рассказ Иванова произведению А.Т. Аверченко «Отрывок будущего романа», впервые опубликованному позднее – в сборнике Аверченко «Нечистая сила» (Севастополь, 1920; Константинополь, 1921). У Аверченко «в тысяча девятьсот таком-то году большевики наконец завоевали всю Россию». Нетрудно заметить переключки между описанной Ивановым землей и картиной предоставленной самой себе Совдепии Аверченко, отгороженной от других государств высокой стеной: «...бывшая Россия как-то заросла дремучими лесами, высокой травой, и в лесах и в траве развелось неисчислимое количество волков и медведей, лосей, зубров, лисиц и оленей». Население России будущего состоит из «племени совнаркомов, племени исполкомов и племени трудообязанных», шьющих одежды из звериных шкур [Цит по: 12, с. 241–242]. Одичавшие, вернувшиеся в первобытное состояние и дошедшие до людоедства герои второй части рассказа близки персонажам Иванова, хотя у последнего одичанию население земли подверглось тотально, без выделения в особую группу руководящих верхов. В других рассказах Аверченко, «Фокус великого кино» и «Вверх тор-машками», как и у Иванова, показаны вещи, «что сохранили теплоту жизни,

теплоту рук и души человеческой. Это и книги, и старый порыжевший фрак <...> и старая шкатулка палисандрового дерева, выложенная по крышке инкрустацией, и монетница белого металла с пружинками, и многое, многое другое» [12, с. 243]. В отличие от Аверченко, некоторые выжившие герои которого вспоминают о прошлом, Иванов в 1919 г. склонен с большим пессимизмом смотреть в будущее: его герои не сохраняют памяти.

Естественно, свои антисоветские произведения, в том числе и фантастический рассказ «Одичавшие», Иванов никогда не упоминал (единственный раз в 1939 г. в неотосланном письме к И.В. Сталину в числе «антисоветских» статей и рассказов¹) и не переиздавал. Рассказ был опубликован лишь в 2020 г. Однако фантастические картины будущего, порой столь же страшного, а порой веселого, пародийного, появятся в его произведениях последующих десятилетий.

Вступает Иванов в советскую литературу в 1921 г. «партизанскими повестями», выдержанными в целом в реалистической традиции; весь петроградский «серапионовский» период главная его тема – крестьянство во время Гражданской войны. Однако в 1923–1924-е гг. он начинает работать в иных жанрах. Под впечатлением от недавно опубликованной «Аэлиты» Иванов пишет в Берлин А.Н. Толстому 8 декабря 1922 г.: «Сердечно рад Вашей “Аэлите”. К сожалению, прочел немного: то, что напечатано в “Накануне”. Начало великолепно, а, в общем, прекрасно Ваше намерение о вселении в России утопического романа, – и здесь же

¹ Впервые в кн.: Иванов Вс. Дневники / сост. М.В. Иванов, Е.А. Папкова; ред. А.М. Ушаков. М., 2001. С. 339–341.

сообщает о своем новом замысле: – Работаю над романом “Северо-сталь”. Есть это петербургская фантастика сталелитейного завода. В феврале роман будет окончен». В центре нового романа «фабрики, машины, и недаром же промышленность питерских заводов переходит на выработку тракторов вместо пулеметов. / Вот это вращение вещей – “Северо-сталь”» [14, с. 462–463]. В 1924 г. Иванов пишет авантюрно-приключенческую повесть «Чудесные похождения портного Фокина», а в конце этого же года вместе с В.Б. Шкловским задумывает в том же жанре роман «Иприт». «Сочетание авантюрно-приключенческого и фантастического – отличительная черта поэтики целой группы произведений, появление которых критики связывали с призывом Н.А. Бухарина, выдвинувшего задачу создания “Красного Пинкертонна”», – отмечает Д.Д. Николаев, рассматривая книги Иванова и Шкловского, В.П. Катаева, М.С. Шагинян, А.Д. Иркутова и В.В. Веревкина, В.А. Гончарова, Л.В. Никулина и других авторов [12, с. 309].

Действие романа «Иприт» отнесено в будущее, о котором сказано: «Только две силы есть сейчас в мире: Америка и Советы» [6, с. 55]. В изображении Советской страны преобладают черты фантастической утопии: описан, например, город Ипатьевск, «один из многих городов, созданных в СССР новой химической промышленностью» [Там же, с. 44], в небоскребах и виадуках которого «отразилось то преклонение перед американской техникой, каковое мы наблюдали в то пятилетие» [Там же, с. 134]. Здесь же «сосредоточена военная промышленность», «расцвела школа химиков-практиков» [Там же, с. 45].

Сюжет строится вокруг событий новой химической войны, в результате которой наконец победит мировая революция. В описании капиталистического мира, напротив, присутствуют элементы антиутопии. Так, взлет химической промышленности во всем мире способствует появлению фантастических газов. Один, названный сусанитом, «лишает человека потребности во сне и возможности уснуть» [6, с. 157]. В главе «О городе, который не спит, но много танцует» описан Лондон, трудящиеся жители которого не спят, давая возможность богачам капиталистам. Газеты города «писали очень много о том, как счастливы сейчас люди, жизнь которых стала длиннее на одну треть» [Там же, с. 181], но в реальности люди ссорятся, дерутся в доме и протестуют на улицах. Полиция использует против нарушителей порядка «смеющийся газ»: «...этот газ действовал на нервные центры так, что отравленный им начинал смеяться все громче и громче, пока не падал без чувств» [Там же, с. 187]. Стремительно развивающееся действие подходит к ошеломляющему финалу: оказывается, что главный герой, несокрушимый Тарзан, лихой матрос Пашка Словохотов, все наврал о своих похождениях и приключениях. Д.Д. Николаев справедливо отмечает: «Критики были абсолютно правы, упрекая авторов в том, что задачи, поставленные Н.И. Бухариным, они не выполнили, да и – добавим – похоже, не особенно стремились выполнить. Н.И. Бухарин призывал создавать серьезные произведения, проникнутые революционной романтикой и способные так же увлечь читателя, прежде всего молодого, как до революции его увлекал “Пинкертон”. Многие же книги,

которые воспринимались как отклики на бухаринский призыв, носили пародийный характер, причем пародийность не только не скрывалась, а даже подчеркивалась. <...> Пародия на “Пинкертона” превращалась в пародию на “Красного Пинкертона”» [12, с. 152].

Судя по всему, написанные в 1923–1924 гг. фантастические и авантюрно-приключенческие произведения не удовлетворили писателя. Уже через год Иванов сожжет рукопись «Северостали», а о романе «Иприт» жестко выскажется в письме А.М. Горькому от 20 декабря 1925 г.: «В эти месяцы я убедился во многих простых истинах, <...> что – авантюрный роман сейчас России и русскому читателю – не нужен. <...> Жизнь, Алексей Максимович, у нас в России достаточно тяжела, авантюрный же роман <...> жизнь не украшает, не романизирует, что ли, а обесмысливает» [5, с. 327].

Однако в 1930-е гг. в творчестве Иванова вновь появятся произведения, где фантастика будет использоваться с целью сатиры и пародии. Этой цели, в частности, служит использование сказочной фантастики в романе «Кремль», среди персонажей которого встречаются Афанас-царевич, пять Петров и веселый дракон Магнат-Хай, которому все нравится в новом мире: пиво, вобла, сосиски с капустой и «кино с идеологическими картинками» [3, с. 126]; фантастической абсурдной сюжетной линии в романе «У» (1931–1933), где ювелиры арестованы за изготовление короны для американского императора. Пародия на идею переделки (перековки) людей раскрывается в романе «У» при помощи средств фантастики. Фантастична центральная сюжетная линия: в Москву приезжает некто Леон

Черпанов якобы с поручением от правительства создать на Урале завод, где в максимально короткие сроки (3 дня!) будет произведена переделка людей, в том числе мошенников, убийц, предателей, в ударников нового общества. Вербовку рабочей силы Черпанов производит в доме № 42 — притоне, где собрались воры, спекулянты, девицы легкого поведения, карточные шулеры, прикрывающиеся службой в советских учреждениях. Впоследствии выясняется, что сам Черпанов тоже жулик и авантюрист. Используя гиперболу и гротеск, Иванов рисует фантазмагорический образ Дома. Комнатенки его перегорожены фанерными стенками и делятся на 3, 4, 8 и более частей, в них живут люди — «клоповьи души», «чесоточные души». В традициях Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина (оживление неживого, синекдоха, гипербола, гротеск) написаны портреты героев: человек-сверло, человек-хомут; некто Насель, «похожий в заботливости своей на инкубатор»; бывший церковный староста Храма Христа Спасителя, ныне член кооперации мороженщик Жаворонков, лицо которого напоминает «почтовый ящик, обмазанный картофельным пюре». Главой притона является Савелий Мурфин, который умеет только страшно кричать: «Вон, ко-онтра!» [Там же, с. 282–288]. В доме происходят постоянные драки, со вкусом описанные автором, в которых принимают участие и ожившие вещи.

Сюжет еще одного произведения, фантастического рассказа «Странный случай в Теплом переулке» (1935), в котором предстает «странное видение будущего города», пародиен по отношению к литературной ситуации середины 1930-х гг.

Прежде всего, пародией является безрезультатный разговор писателя и ученых, отсылающий к кампании 1934 г., направленной на сближение деятелей науки и литературы. 24 января «Литературная газета» сообщала о состоявшейся под Ленинградом встрече группы писателей: В.А. Каверина, М.М. Зощенко, М.Л. Слонимского, С.Я. Маршака — с академиком А.Ф. Иоффе и другими учеными. На затянувшейся до двух часов ночи беседе предлагалось много замечательных идей: «соавторство: писатели и ученые делают одну книгу», новые темы, из которых первая — «история научного открытия», новые образы — ученый, физик. На физику вообще возлагалось много надежд. Ее, по мнению А.Ф. Иоффе, «стоило бы выбирать для начала нашей совместной работы», ибо сейчас происходит «переход к новым масштабам. Мы получили новые представления о Гулливере»².

В рассказе Иванова фантастическая история выдающегося научного открытия, которое демонстрирует профессор Шерстобитов из будущего СССР, строится абсолютно по другим художественным законам: «Профессор предлагал уменьшить человеческий рост наполовину. <...> умственные способности человека остаются такими же, как и прежде, физическая сила та же, но потребности в пище, в жилище, а главное в пространстве сокращаются наполовину. От кроликов профессор перешел к человеку и первый опыт проделал на самом себе». Великий ученый, вполонину ниже своих малолетних детей, шагает по древним улицам города Великий Устюг, громко сморкаясь

² Литературная газета. 1935. 24 янв. С. 3.

от смущения, а дома, чрезвычайно удрученная его поступком, плачет его «малорослая» жена [4, с. 7]. Анекдотичность поступка «малорослых» тем более очевидна, что в 1934–1935 гг. в печати, напротив, постоянно обгрызалась параллель: советские люди – великаны, подобные Гулливеру.

Совершенно иную фантастику мы видим в рассказе «Происшествие на реке Тун» (1925), который по силе психологического анализа сближается с лучшей книгой Иванова «Тайное тайных» (1926). Однако, в отличие от произведений «Тайного тайных», перед нами фантастический рассказ с отчетливо выраженными элементами антиутопии. Иванов использует традиционный для фантастики прием – сон героя («Мне снилась, товарищ, последняя революция» [1, с. 302]), события которого странным образом переплетаются с событиями действительности. В реальности они происходят зимой 1919 г. в Сибири, во сне – во время некоей «последней революции», очевидно отдаленной во времени, и в условном пространстве – на неизвестном острове (показательно, что в утопических легендах на острове обычно помещается блаженная страна).

С антиутопией, которая «радикально отрицает утопию, отрицает самую возможность построения совершенного общества (как реализацию идеи социального прогресса)», а также «выражает протест, определенную реакцию на те или иные, прежде всего связанные с научно-техническим прогрессом процессы...» [16, с. 111–112], повествование в рассказе сближает появляющийся в сне образ будущего, маркированный двумя признаками. Первый – это необычайный технический взлет. Обра-

щает на себя внимание прежде всего образ «огромного экрана», на котором «солдаты читают последние новости вселенной» [1, с. 306]. Действие сна происходит сначала «в каком-то громадном, в форме пирамиды, здании, в зале... Своды его были из светящегося металла» [Там же, с. 302]. Вторая черта будущего в представлении Иванова – продолжающаяся борьба с «врагами», которые должны быть уничтожены, чему весьма способствуют технические достижения. Враги по-прежнему именуется «белыми», их противники – «солдаты в серых одеждах, на месте сердца у них были нашиты пурпурные красные звезды». Неуклюжие «слонообразные или, вернее, утюгообразные» аппараты, кончающиеся хоботом, сначала убивают «белых», а потом уничтожают трупы «узкой струей огня» из другой машины [Там же]. Однако думается, что описание будущего для Иванова в этом рассказе не самоцель. Здесь его гораздо больше волнует психология героев – участников Гражданской войны.

В «Происшествии на реке Тун» два главных персонажа. Автобиографический герой зимой 1919 г. находится в отряде красных, комиссар которого и поэт Хабиев рассказывает ему свой фантастический сон. В событиях сна присутствуют оба героя, судьбы которых тесно переплетены, и можно предположить, что перед нами мысли и переживания одного человека, не способного принять отцеубийство и братоубийство Гражданской войны. «Односмутиками» назовет их часовой (возможно, аллюзия к «Очеркам русской смуты» А.А. Деникина, 1921–1922).

Описанная в рассказе зима 1919 г. имеет источники в биографии Иванова; возможно, поэтому в нем

совершенно отсутствует веселая, пародийная интонация. Известно, что в ноябре 1919 г. Иванов уезжает в поезде газеты «Вперед» вслед за отступающей армией А.В. Колчака из Омска на Восток. Увиденное при эвакуации и отступлении нашло отражение в рассказе и передано Ивановым, реально находившимся в одном из отступающих «белых» эшелонов, как бы с позиции красноармейца: «Предо мною был беженский эшелон. Закаты снежных сибирских дней, чаще опирающиеся на трупы этих трусов, бросивших дома и думавших в сундуках унести свою короткую жизнь! Дорожные канавы, не глубже беженских сундуков, великодушно согласившиеся быть могилами! Тишина степных волков, уже забывшая стоны!» [1, с. 306]. События этой страшной зимы Иванову запомнились надолго, отзвуки их слышны и в «Бронепоезде», и в «Возвращении Будды», и в ряде других произведений. В «Происшествии на реке Тун» автобиографический герой будет предельно краток: «Я молчу о зиме, все мое сердце давно привыкло молчать о зиме. Я неожиданно (как мне было легко, если б я знал это тогда, зимой) весел, глуп...» [Там же, с. 309].

Образ бредящего в тифу поэта Хабиева отчасти автобиографический – в декабре сам Иванов заболевает тифом, но, скорее всего, имеет еще один, конкретный источник и навеян встречей Иванова в декабре 1919 г. на каком-то сибирском полустанке с петербургским поэтом, недолго жившим в «белой столице», – Г.В. Масловым. Об этой встрече Иванов вспоминал в «Истории моих книг» (1957): «...я нес мешок добытого с трудом угля, чтобы согреть наш вагон. Окликнули из теплушки беженцев. Перепуганные, вставшие большие

глаза глядели на меня неподвижно. Я узнал поэта Георгия Маслова, автора “Авроры”. Без жалоб и уныния, а сказав только, что “кажется, у меня начался тиф”, он пригласил в теплушку и стал читать главы своего романа “Ангел без лица”. Роман, подобно “Шагреневого коже” Бальзака, начинался в антикварном магазине. <...> Я не дослушал, что случилось дальше с героем. Поезд тронулся. Оставив Маслову мешок с углем, я выскочил из теплушки, а через месяц узнал, что тиф скопил Маслова и рукопись романа пропала» [2, с. 140–141]. Писатели были ровесниками, дружили, в 1919 г. в Омской столице печатались в одних изданиях, посещали литературно-художественный кружок «Единая Россия», оба мечтали об Учредительном собрании. Правда, в отличие от Маслова, Иванов не был убежденным сторонником «белой идеи».

По сюжету после уничтожения белых на остров внезапно с юга нападают «неприятельские дирижабли», недавние победители, сразу потерявшие всякое величие, «мечутся среди обломков и щеп», а комиссар «предает революцию» – крадет аэроплан, пытается увезти двух спасенных им из жалости «детенышей» врага в неизвестную страну, где «чужое солнце необычайных размеров встает из-за моря», но погибает от руки «товарища» [1, с. 302–309].

Фантастические события сна Хабиева в рассказе «Происшествие на реке Тун» причудливо переплетаются с реальностью, сближаются мысли и чувства двух героев. Среди «врагов» находится странный человек, необыкновенно высокий, с «длинными трясущимися ревматическими пальцами» и шрамом на лице. Хабиев не узнает его, мелькает только смутное воспоминание: «...я был

обязан ему жизнью». Этот же персонаж странно появляется в реальности: рассказчик видит его в арестантской теплушке одного из эшелонов: «...должно быть, дурацкий рассказ Хабиева, его частые повторения, но эти трясущиеся по проволоке ревматические пальцы, эти казанки, похожие на бородавки, изогнутая кисть, похожая на мост. Эту руку словно мне положили на сердце». «Фу ты, черт, да, может, бред-то со мной» [1, с. 306] – думает герой-рассказчик. При этом в тексте не раскрывается, знает ли об этом беженце Хабиев и наваян ли его фантастический сон реальной встречей. Позднее, уже после войны, рассказчик узнает по портретному сходству от Вари, бывшей невесты «товарища Хабиева», что описанный человек – отец комиссара. Во сне Хабиев не убивает высокого человека, хотя обязан это сделать, комиссар кормит и стремится спасти незнакомых ему «детенышей» высокого человека, не зная, что это его братья. В финале рассказа становится известно, что все члены семьи погибают и в реальности: «...ведь детишки-то там и погибли, тоже в Сибири. С ним...» [Там же, с. 310], – и в фантастической реальности: отца убивает «товарищ» (рассказчик-повествователь), используя «веселящий газ», тот самый, который в пародийной форме был описан в «Иприте»; он же, догнав самолет с беглецами, отдает приказ механику убить детей и самого Хабиева.

В тексте рассказа звучит устойчивый для Иванова автобиографический мотив – смерть отца, пусть не напрямую, но от руки сына. Символический смысл мотива проясняет письмо Иванова Горькому от 25 сентября 1926 г. Комментируя разрешение к постановке пьесы М.А. Булга-

кова «Белая гвардия», Иванов пишет: «Естественно, что коммунисты Булгакова не любят. Да и то сказать – если я на войне убил отца и мне будут каждый день твердить об этом, приятно ли это?» Пьеса Булгакова, по мнению Иванова, «бередит совесть» [5, с. 332]. В рассказе «Происшествие на реке Тун» больная совесть и у комиссара Хабиева, и у самого автора-повествователя; проблема эта ярко раскрывается при помощи введения фантастики. Причины испытываемых мук совести герой и автор (а вместе с ним и читатель) понимают по-разному: Хабиев считает, что совесть мучает его как человека, «предавшего революцию». На самом же деле, судя по фантастическому сну, герой испытывает муки совести оттого, что отрекся от высших нравственных ценностей – любви и сострадания.

Еще в 1980 г. Е.А. Краснощекова в книге, посвященной Иванову, отмечала: «Он всю жизнь был верен реализму, которому фантазия так же органически присуща, как и глубокое проникновение в человеческую природу, свою эпоху, реализму, не чуряющемуся фантастики, экзотики, гротеска, сюжетного изыска, жанрового эксперимента» [10, с. 189–190]. Вывод, сделанный исследователем на основании известных тогда произведений Иванова, сегодня может быть уточнен. После смерти писателя усилиями вдовы писателя Т.В. Ивановой был републикован рассказ «Станный случай в Теплом переулке», в 1990 г. впервые напечатаны романы «Кремль» и «У». В первые два десятилетия 2000-х гг. републикованы не печатавшиеся с 1910-х гг. сказки, легенды и рассказы Иванова сибирского периода творчества, малоизвестные произведения 1920-х гг. – роман «Иприт», рассказ «Происшествие на реке Тун»

и др. Изучение на основе этих текстов различных жанровых форм фантастики: сказочной, сатирической, психологической, утопии и антиутопии, которыми Иванов достаточно свободно владеет, подчас соединяя их внутри своих произведений, и которые призваны передать его отношение к проблемам современности, – позволяет говорить не столько об отдельных фантастических мотивах, сколько об особенностях творческого метода писателя. Вяч. Вс. Иванов, употребляя термин «фантастический реализм», писал, развивая подробно своей мысли, о целом направлении в советской литературе 1930-х гг., к которому относил произведения А.П. Платонова, М.А. Бул-

гакова, Вс. Иванова и некоторых других писателей [8, с. 491]. Названные нами новые издания неизвестных ранее произведений Иванова, тома научного собрания сочинений Платонова, выходящие с 2004 г. в Институте мировой литературы имени А.М. Горького, и другие современные публикации произведений советского периода позволяют говорить о таком направлении отнюдь не только применительно к периоду 1930-х гг. Думается, что изучение фантастических произведений Всеволода Иванова может способствовать уточнению понимания не только творчества этого оригинального писателя, но и русской литературы XX в. в целом.

Библиографический список

1. Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты истории / сост. Е.А. Папкина; отв. ред. Н.В. Корниенко. М., 2018.
2. Иванов Вс. История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 120–150.
3. Иванов Вс. Кремль. У. Романы. М., 1990.
4. Иванов Вс. Странный случай в Теплом переулке // 30 дней. 1935. № 5. С. 3–10.
5. Иванов Вс. Тайное тайных / подгот. Е.А. Папкиной, отв. ред. Н.В. Корниенко. М., 2012.
6. Иванов Вс., Шкловский В. Иприт. Роман. СПб., 2005.
7. Иванов Вяч. Вс. Вместо вступительной статьи // Неизвестный Всеволод Иванов: материалы биографии и творчества / отв. ред. Е.А. Папкина. М., 2010.
8. Иванов Вяч. Вс. Судьбы серапионовых братьев и путь Всеволода Иванова // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том II. Статьи о русской литературе. М., 2000. С. 482–497.
9. Кондаков Г.В. Стилизация и алтайский фольклор // Ученые записки Горноалтайского НИИ истории, языка и литературы. 1971. Вып. 10. С. 105–114.
10. Краснощекова Е.А. Художественный мир Всеволода Иванова. М., 1980.
11. Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества / отв. ред. Е.А. Папкина. М., 2010.
12. Николаев Д.Д. Русская проза 1920–1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза. М., 2006.
13. Папкина Е.А., Лоцилов И.Е. Всеволод Иванов. Корреспонденции из газеты «Вперед» (август–сентябрь 1919 года) // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2. С. 7–38.
14. Папкина Е.А., Погорельская Е.И. Всеволод Иванов и Алексей Толстой в 1920-е гг. // Алексей Толстой. Диалоги со временем. Вып. 3 / отв. ред. Г.Н. Воронцова. М., 2019. С. 442–468.
15. Пудалова Л.А. Проза Всеволода Иванова и фольклор. Томск, 1984.
16. Сизов С.С. Утопия и общественное сознание: Философско-социологический анализ. Л., 1988.
17. Федин К.А. Горький среди нас. Картины литературной жизни. М., 1967.

References

1. Vsevolod Ivanov. «Bronepoezd 14-69»: Konteksty istorii [Vsevolod Ivanov. “Armored Train 14-69”: Contexts of history]. E.A. Papkova, N.V. Kornienko (eds.). Moscow, 2018.
2. Ivanov Vs. The story of my books. *Nash sovremennik*. 1957. No. 3. Pp. 120–150. (In Rus.)
3. Ivanov Vs. Kreml. U. Romany [The Kremlin. U. Novels]. Moscow, 1990.
4. Ivanov Vs. A strange case in the Warm Lane. *30 dnei*. 1935. No. 5. Pp. 3–10. (In Rus.)
5. Ivanov Vs. Tainoe tainykh [Covert secret]. E.A. Papkova, N.V. Kornienko (eds.). Moscow, 2012.
6. Ivanov Vs., Shklovsky V. Iprit. Roman [Mustard. Novel]. St. Petersburg, 2005.
7. Ivanov Vyach.Vs. Instead of an introductory article. *Neizvestnyi Vsevolod Ivanov: Materialy biografii i tvorchestva*. E.A. Papkova (ed.). Moscow, 2010. (In Rus.)
8. Ivanov Vyach.Vs. The fate of the Serapion brothers and the path of Vsevolod Ivanov. *Ivanov Vyach.Vs. Izbrannye stati po semiotice i istorii kultury*. Vol. II. Articles about Russian literature. Moscow, 2000. Pp. 482–497. (In Rus.)
9. Kondakov G.V. Stylization and Altai folklore. *Uchenye zapiski gornoaltaiskogo NII istorii, yazyka i literatury*. 1971. Issue 10. Pp. 105–114. (In Rus.)
10. Krasnoshchekova E.A. Khudozhestvennyi mir Vsevolida Ivanova [Artistic world of Vsevolod Ivanov]. Moscow, 1980.
11. Neizvestnyi Vsevolod Ivanov: Materialy biografii i tvorchestva [Unknown Vsevolod Ivanov: Materials of biography and creativity]. E.A. Papkova (ed.). Moscow, 2010.
12. Nikolaev D.D. Russkaya proza 1920-kh–1930-kh godov: avanturnaya, fantasticheskaya i istoricheskaya proza [Russian prose of the 1920s–1930s: Adventurous, fantastic and historical prose]. Moscow, 2006.
13. Papkova E.A., Loshchilov I.E. Vsevolod Ivanov. Correspondence from the newspaper “Forward” (August–September 1919). *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2020. No. 2. Pp. 7–38. (In Rus.)
14. Papkova E.A., Pogorelskaya E.I. Vsevolod Ivanov and Alexey Tolstoy in the 1920s. *Aleksii Tolstoi. Dialogi so vremenem*. Issue 3. G.N. Vorontsova (ed.). Moscow, 2019. Pp. 442–468. (In Rus.)
15. Pudalova L.A. Proza Vsevoloda Ivanova i folklor [Vsevolod Ivanov’s prose and folklore]. Tomsk, 1984.
16. Sizov S.S. Utopiya i obshchestvennoe soznanie: Filosofsko-sotsiologicheskii analiz [Utopia and public consciousness: Philosophical and sociological analysis]. Leningrad, 1988.
17. Fedin K.A. Gorkii sredi nas. Kartiny literaturnoi zhizni [Gorky among us. Pictures of literary life]. Moscow, 1967.

Статья поступила в редакцию 30.04.2022, принята к публикации 25.05.2022
The article was received on 30.04.2022, accepted for publication 25.05.2022

Сведения об авторе / About the author

Папкина Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент; старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва

Elena A. Papkova – PhD in Philology, Associate Professor; Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: elena.iv@bk.ru